

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

Революционер, советский государственный и военно-политический деятель

МОЯ ЖИЗНЬ

НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ
Я ПРОДОЛЖАЮ ТУ БОРЬБУ,
КОТОРОЙ ПОСВЯЩЕНА
ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ

Москва

УДК 929(470)"1879/1940"

ББК 63.3(2)6-8

Т76

Троцкий, Лев Давидович.

Т76

Моя жизнь / Лев Троцкий. — Москва : Эксмо, 2026. — 672 с. — (Философия в кармане).

ISBN 978-5-04-222230-6

Лев Троцкий — выдающийся революционер, мыслитель и писатель, автор одной из самых сильных автобиографий двадцатого века — «Моя жизнь». Это откровенный рассказ о пути человека, чьи идеи и поступки изменили ход мировой истории. Троцкий пишет ясно, страстно и с глубоким пониманием эпохи, соединяя личное и политическое, судьбу и мысль. В книге — динамика революции, изгнание, борьба, вера в справедливость и человеческий разум. Это не только историческое свидетельство, но и философское размышление о свободе, идеалах и цене убеждений. Книга будет интересна всем, кто ищет живое понимание истории, характера и силы идей, формировавших XX век.

УДК 929(470)"1879/1940"

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-04-222230-6

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕВОЛЮЦИЯ И ЛИТЕРАТУРА	7
МОЯ ЖИЗНЬ. ПРЕДИСЛОВИЕ	12
Глава I. ЯНОВКА	21
Глава II. СОСЕДИ. ПЕРВАЯ ШКОЛА	47
Глава III. СЕМЬЯ И ШКОЛА	62
Глава IV. КНИГИ И ПЕРВЫЕ КОНФЛИКТЫ	83
Глава V. ДЕРЕВНЯ И ГОРОД	104
Глава VI. ПЕРЕЛОМ	119
Глава VII. МОЯ ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	130
Глава VIII. МОИ ПЕРВЫЕ ТЮРЬМЫ	142
Глава IX. ПЕРВАЯ ССЫЛКА	152
Глава X. ПЕРВЫЙ ПОБЕГ	162
Глава XI. ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ	170
Глава XII. СЪЕЗД ПАРТИИ И РАСКОЛ	179
Глава XIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ	195

Глава XIV. 1905 ГОД.....	206
Глава XV. СУД, ССЫЛКА, ПОБЕГ.....	219
Глава XVI. ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ И НЕМЕЦКИЙ СОЦИАЛИЗМ.....	235
Глава XVII. ПОДГОТОВКА К НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	256
Глава XVIII. НАЧАЛО ВОЙНЫ.....	271
Глава XIX. ПАРИЖ И ЦИММЕРВАЛЬД.....	282
Глава XX. ВЫСЫЛКА ИЗ ФРАНЦИИ.....	292
Глава XXI. ЧЕРЕЗ ИСПАНИЮ.....	299
Глава XXII. В НЬЮ-ЙОРКЕ.....	312
Глава XXIII. В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ.....	323
Глава XXIV. В ПЕТРОГРАДЕ.....	331
Глава XXV. О КЛЕВЕТНИКАХ.....	344
Глава XXVI. ОТ ИЮЛЯ К ОКТЯБРЮ.....	357
Глава XXVII. НОЧЬ, КОТОРАЯ РЕШАЕТ.....	368
Глава XXVIII. ТРОЦКИЗМ В 1917 ГОДУ.....	376
Глава XXIX. У ВЛАСТИ.....	382
Глава XXX В МОСКВЕ.....	398
Глава XXXI. ПЕРЕГОВОРЫ В БРЕСТЕ.....	414
Глава XXXII. МИР.....	433

Глава XXXIII. МЕСЯЦ В СВЯЖСКЕ	451
Глава XXXIV. ПОЕЗД.....	468
Глава XXXV. ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА	481
Глава XXXVI. ВОЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ	495
Глава XXXVII. ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ.....	512
Глава XXXVIII. ПЕРЕХОД К НЭПУ И МОИ ОТНОШЕНИЯ С ЛЕНИНЫМ	523
Глава XXXIX. БОЛЕЗНЬ ЛЕНИНА.....	534
Глава XL. ЗАГОВОР ЭПИГОНОВ.....	556
Глава XLI. СМЕРТЬ ЛЕНИНА И СДВИГ ВЛАСТИ.....	571
Глава XLII. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ ВНУТРИ ПАРТИИ	590
Глава XLIII. ССЫЛКА	615
Глава XLIV. ИЗГНАНИЕ.....	637
Глава XLV. ПЛАНЕТА БЕЗ ВИЗЫ.....	648

РЕВОЛЮЦИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Авторское предисловие к книге «Моя жизнь» датировано 14 сентября 1929 г. Последующие одиннадцать лет жизни Льва Троцкого, не отраженные в его мемуарах, — время подготовки и развязывания Второй мировой войны, грандиозной социальной ломки и террора невиданных масштабов в СССР. В атмосфере, царившей тогда в умах на Западе, мрачной неопределенности и еще не исчезнувших иллюзий насчет советского эксперимента яростный обличитель Сталина, пророчествующий о мировой революции, оказался равно неприемлемым и для врагов, и друзей страны, из которой его изгнали.

В июле 1933 г. Троцкий получил возможность переехать из Турции во Францию, но через два года вынужден был перебраться в Норвегию, причем норвежское правительство потребовало, чтобы он отказался от политической деятельности. Это условие он нарушил, узнав о первом судебном процессе в Москве над мнимыми членами никогда не существовавшего «антисоветского контрреволюционного троцкистского центра». После нескольких месяцев интернирования в Норвегии правительство Мексики предоставило Троцкому политическое убежище, и в январе 1937 г. он поселился вместе с женой в местечке Койоакан близ мексиканской столицы. Один великий художник — Диего Ривера — дал ему приют, другой — Давид Сикейрос — сразу же подключился к подготовке покушения на «злейшего врага ленинизма».

Участвуя в работе независимой международной комиссии, он доказывает, что московские политические процессы — срежиссированная Сталиным фальсификация, и одновременно организует противостоящий Коминтерну IV Интернационал. Главная тема его статей в парижском «Бюллетене оппозиции» — разоблачение «бюрократического абсолютизма», как определяет он утвердившийся в СССР режим, отрицая, однако, что основы этого режима закладывались при прямом его участии. Вслед за «Моей жизнью» вышли в свет «История русской революции», «Сталинская школа фальсификаций», «Преданная революция» («Что такое СССР и куда он идет?»). Незаконченными остались книги о Ленине и Сталине. Но нынешнее положение Троцкого несравнимо с дореволюционной эмиграцией — от СССР он непроницаемо отделен: то, о чем он с такой страстью пишет, читают только Сталин и его информаторы.

Он сумел точно предсказать сближение Сталина с Гитлером и неизбежное нападение Германии на Советский Союз, однако дальнейшее представлялось ему, в общем, аналогичным ходу событий 1914–1918 гг.: Вторая мировая война перерастет в войну революционную, и оба диктатора будут свергнуты; если же этого не случится, Советское государство ждет поражение. Троцкому не суждено было узнать, что несостоятельными оказались оба прогноза. При этом он отдавал себе отчет в двусмысленности своего отношения к происходящему на родине: «Я бьюсь в петле противоречий, целиком отвергая Сталина, но не знаю, как «не задеть» народ, «социализм».

Еще в феврале 1932 г. Троцкого лишили советского гражданства. Поскольку расчеты на то, что за границей с ним расправятся белогвардейцы, не оправдались, Сталин распорядился уничтожить своего главного врага силами особой террористической группы.

Троцкий понимал, что обречен, хотя и не знал, что в Кремле известен каждый его шаг. К этому времени погибли оба его сына: главный помощник отца в эмиграции Лев Седов и оставшийся в СССР профессор-математик Сергей Седов. В завещании, составленном в феврале 1940 г., Троцкий писал, что умрет «пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом», с верой «в коммунистическое будущее человечества».

20 августа 1940 г. агент НКВД испанский коммунист Рамон Меркадер, которому удалось войти в доверие к Троцкому, нанес ему смертельный удар ледорубом, когда тот просматривал принесенную Меркадером рукопись. Советские газеты поместили краткую информацию: убийца Троцкого — некто «из лиц его ближайшего окружения». Не был обнародован и указ о присвоении Меркадеру звания Героя Советского Союза — после того, как он отбыл двадцатилетний срок тюремного заключения в Мексике.

Насаждавшийся десятилетиями миф о Троцком — воплощении мирового зла — стал достоянием прошлого. Но истории принадлежит и противостоявшее этому мифу литературное наследие Троцкого, памятник радикальной мысли первой половины XX века.

В историю Троцкий вошел и как выдающийся оратор. Красноречие молодого Троцкого оценили сразу и безоговорочно, а вот насчет первых его журналистских опытов мнения разошлись. Кржижановский придумал ему лестный псевдоним Перо, в то время как Плеханова раздражала легковесность «писаний» Троцкого, которыми он «понижает литературный уровень «Искры». С этим Троцкий впоследствии согласился — редкий случай! — отметив, что писательские его зубы тогда только прорезывались. В годы революции и Гражданской войны, когда устное слово значило куда больше,

чем печатное, выступления Троцкого перед массовой аудиторией внесли весомый вклад в победу большевизма. Но можно поверить Луначарскому: Троцкий был «литературой в своем ораторстве и оратор в своей литературе», написанные им статьи и книги — это «застывшая речь».

Сам Троцкий всегда ощущал себя «литератором-революционером», так он ответил на вопрос одной из анкет о профессии. И как революционер он не сомневался в необходимости «загнать», по известному выражению Маяковского, «клячу истории», ускоряющую свой бег благодаря тому, что народ периодически «сходит с ума». В такой ситуации безжалостность революционеров, их отказ от «нормативной» морали оправданы их «высшей революционной целеустремленностью, свободной от всего низменно-личного». Последнее качество — как он успел убедиться — далеко не универсально, но это сказано о себе, и этим убеждением пронизаны все произведения Троцкого — публициста, историка, мемуариста, литературного критика; оно служит для него точкой отсчета, диктует оценки и самооценки.

Черты, свойственные личности Троцкого — власть, самоуверенность, тон превосходства, — нашли выражение и в «Моей жизни». Опыт автобиографии, задуманный как ответ на лживые обвинения соперников в борьбе за власть, был воспринят первыми читателями на Западе как демонстрация тщеславия. В этом есть доля истины. И все же при всей политической заданности и апологетической направленности эту книгу просто интересно читать: и как изложение фактов, подчас отсутствующих в других исторических источниках, и как отличную прозу, например рассказ о детстве и отрочестве, продолжающий традицию русской классики, или описание побегов из ссылки.

«Мою жизнь» дополняют написанные Троцким в разное время политические портреты, они должны были

составить книгу с характерным названием «Мы и они». Здесь то же литературное мастерство — и та же зависимость от исходной установки — за или против революции. Напрасно искать в этих блестящих и насквозь мифологичных очерках полноту анализа: автор пользуется только двумя красками, его приговоры безапелляционны. В 1909 г. он заявляет, что Петр Струве — «весь позади, будущего у него нет». Уже потому, что Черчилль — не революционер, он для Троцкого в 1929 г. менее современен, чем Кромвель.

В вульгарной идеологизации искусства, в оправдании партийного диктата и цензуры Троцкий — предшественник, а может быть, и учитель Сталина, Жданова и Хрущева. Но, в отличие от них, он был способен почувствовать поэзию — по крайней мере Есенина и Ахматовой. И возможно, поражение его как политика отчасти было обусловлено тем, что, по собственному признанию (сделанному не без обычного позерства), высшее духовное удовлетворение он переживал с книгой или пером в руках и на массовых собраниях, тогда как «механика власти» была для него «неизбежной обузой».

*И. Розенталь,
доктор исторических наук*

МОЯ ЖИЗНЬ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше время снова обильно мемуарами, может быть, более, чем когда-либо. Это потому, что есть о чем рассказывать. Интерес к текущей истории тем напряженнее, чем драматичнее эпоха, чем богаче она поворотами. Искусство пейзажа не могло бы родиться в Сахаре. «Пересеченные» эпохи, как наша, порождают потребность взглянуть на вчерашний и уже столь далекий день глазами его активных участников. В этом — объяснение огромного развития мемуарной литературы со времени последней войны. Может быть, в этом же можно найти оправдание и для настоящей книги.

Сама возможность появления ее в свет создана паузой в активной политической деятельности автора. Одним из непредвиденных, хотя и не случайных этапов моей жизни оказался Константинополь. Здесь я нахожусь на бивуаке — не в первый раз, терпеливо дожидаясь, что будет дальше. Без некоторой доли «фатализма» жизнь революционера была бы вообще невозможна. Так или иначе, константинопольский антракт явился как нельзя более подходящим моментом, чтобы оглянуться назад, прежде чем обстоятельства позволят двинуться вперед.

Первоначально я написал беглые автобиографические очерки для газет и думал этим ограничиться. Отмечу тут же, что я не имел возможности следить из своего убежища за тем, в каком виде эти очерки дошли до читателя. Но каждая работа имеет свою логику. Я вошел в свою тему лишь к тому моменту, когда заканчивал га-

зетные статьи. Тогда я решил написать книгу. Я взял другой, несравненно более широкий масштаб и произвел всю работу заново. Между первоначальными газетными статьями и этой книгой общим является только то, что они говорят об одном и том же предмете. В остальном это два разных произведения.

С особенной обстоятельностью я остановился на втором периоде советской революции, начало которого совпадает с болезнью Ленина и открытием кампании против «троцкизма». Борьба эпигонов за власть, как я пытаюсь показать, была не только личной борьбой. Она выражала собою новую политическую главу: реакцию против Октября и подготовку термидора. Из этого сам собою вытекает ответ на вопрос, который так часто задавали мне: «Как вы потеряли власть?»

Автобиография революционного политика затрагивает по необходимости целый ряд теоретических вопросов, связанных с общественным развитием России, отчасти и всего человечества, в особенности же с теми критическими периодами, которые называются революциями. Разумеется, я не имел возможности рассматривать на этих страницах сложные теоретические проблемы по существу. В частности, так называемая теория перманентной революции, которая играла в моей личной жизни такую большую роль и которая, что важнее, приобретает теперь столь острую актуальность для стран Востока, проходит через эту книгу как отдаленный лейтмотив. Если это не удовлетворит читателя, то я могу лишь сказать ему, что рассмотрение проблем революции по существу составит содержание собой книги, в которой я попытаюсь подвести важнейшие теоретические итоги опыта последних десятилетий.

Так как на страницах моей книги проходит немалое количество лиц не всегда в том освещении, которое они сами выбрали бы для себя или для своей партии, то многие из них найдут мое изложение лишенным необходи-

мой объективности. Уже появление отрывков в периодической печати вызвало кое-какие опровержения. Это неизбежно. Можно не сомневаться, что, если б мне удалось даже сделать автобиографию простым дагеротипом моей жизни, к чему я вовсе не стремился, она все равно вызвала бы отголоски тех прений, которые порождались в свое время излагаемыми в ней коллизиями. Но эта книга не бесстрастная фотография моей жизни, а ее составная часть. На этих страницах я продолжаю ту борьбу, которой посвящена вся моя жизнь. Излагая, я характеризую и оцениваю; рассказывая, я защищаюсь и еще чаще — нападаю. Мне думается, что это единственный способ сделать биографию объективной в некотором более высоком смысле, т. е. сделать ее наиболее адекватным выражением лица, условий и эпохи.

Объективность — не в притворном безразличии, с каким хорошо отстоявшееся лицемерие говорит о друзьях и врагах, внушая читателю косвенно то, что неудобно сказать ему прямо. Такого рода объективность есть лишь светская ловушка, не более того. Мне она не нужна. Раз уж я подчинился необходимости говорить о себе — никому еще не удавалось написать автобиографию, не говоря о себе, — то у меня не может быть оснований скрывать свои симпатии и антипатии, свою любовь и свою ненависть.

Эта книга полемична. Она отражает динамику той общественной жизни, которая вся построена на противоречиях. Дерзости школьника учителю; прикрытые любезностью салонные шпильки зависти; непрерывная конкуренция торговли; остервенелое соревнование на всех поприщах техники, науки, искусства, спорта; парламентские стычки, в которых пульсирует глубокая противоположность интересов; повседневная неистовая борьба печати; стачки рабочих; расстрелы демонстрантов; пироксилиновые чемоданы, посылаемые по воздуху цивилизованными соседями друг другу; пламенные языки Гра-

жданской войны, почти не потухающие на нашей планете, — все это разные формы социальной «полемики», от обыденной, повседневной, нормальной, почти незаметной, несмотря на свою напряженность, до чрезвычайной, взрывчатой, вулканической полемики войн и революций. Такова наша эпоха. С ней вместе мы выросли. Ею мы дышим и живем. Как же мы можем не быть полемичны, если хотим быть верны нашему отечеству во времени?

Но есть другой, более элементарный критерий, который касается простой добросовестности в изложении фактов. Как самая непримиримая революционная борьба должна считаться с обстоятельствами места и времени, так и наиболее полемическое произведение должно соблюдать те пропорции, которые существуют между вещами и людьми. Хочу надеяться, что это требование мною соблюдено не только в целом, но и в частях.

В некоторых, немногочисленных, правда, случаях я излагаю беседы в форме диалога. Никто не станет требовать дословного воспроизведения бесед много лет спустя. Я на это и не претендую. Некоторые диалоги имеют скорее символический характер. Но у всякого человека в жизни были моменты, когда тот или другой разговор особенно ярко врезывался в его память. Такие беседы обыкновенно пересказываешь не раз своим близким и политическим друзьям. Благодаря этому они закрепляются в памяти. Я имею в виду, разумеется, прежде всего беседы политического характера.

Хочу отметить здесь, что я привык доверять своей памяти. Показания ее не раз подвергались объективной проверке и с успехом выдерживали ее. Здесь необходима, впрочем, оговорка. Если моя топографическая память, не говоря уж о музыкальной, очень слаба, а зрительная, как и лингвистическая, довольно посредственна, то идейная память значительно выше среднего уровня. Между тем в этой книге идеи, их развитие

и борьба людей из-за этих идей занимают, в сущности, главное место.

Правда, память не автоматический счетчик. Она меньше всего бескорыстна. Нередко она выталкивает из себя или отодвигает в темный угол такие эпизоды, какие невыгодны контролирующему ее жизненному инстинкту, чаще всего под углом зрения самолюбия. Но это уж дело «психоаналитической» критики, которая иногда бывает остроумна и поучительна, но еще чаще — капризна и произвольна.

Незачем говорить, что я настойчиво контролировал свою память через посредство документальных свидетельств. Как ни затруднены были для меня условия работы, в смысле библиотечных и архивных справок, я имел все же возможность проверить все наиболее существенные обстоятельства и даты, в которых нуждался.

Начиная с 1897 г. я вел борьбу преимущественно с пером в руках. Таким образом, события моей жизни оставили почти непрерывный печатный след на протяжении 32 лет. Фракционная борьба в партии, начиная с 1903 г., была обильна личными эпизодами. Мои противники, как и я, не щадили ударов. Все они оставили печатные рубцы. Со времени Октябрьского переворота история революционного движения заняла большое место в исследованиях молодых советских ученых и целых учреждений. Разыскивается в архивах революции и царского департамента полиции все, что представляет интерес, и издается с обстоятельными фактическими комментариями. В первые годы, когда еще не было нужды что-либо скрывать или маскировать, эта работа производилась с полной добросовестностью. «Сочинения» Ленина и часть моих выпущены государственным издательством с примечаниями, занимающими десятки страниц в каждом томе и заключающими незаменимый фактический материал как о деятельности авторов, так и о событиях соответственного периода.

Все это, естественно, облегчало мою работу, помогая установить правильную хронологическую канву и избежать фактических ошибок, по крайней мере грубых.

Я не могу отрицать того, что моя жизнь протекала не совсем обычным порядком. Причины этого надо, однако, искать больше в условиях эпохи, чем лично во мне. Разумеется, нужны были также и известные личные черты, чтобы выполнять ту, хорошую или дурную, работу, которую я выполнял. Но при других исторических условиях эти личные особенности могли бы мирно дремать, как дремлет бесчисленное количество человеческих склонностей и страстей, на которые общественная обстановка не предъявляет спроса. Зато могли бы, может быть, проявиться другие качества, которые отеснены или подавлены ныне. Над субъективным возвышается объективное, и оно в последнем счете решает.

Моя сознательная и активная деятельность, начавшаяся примерно с 17–18-летнего возраста, протекала в постоянной борьбе за определенные идеи. В моей личной жизни не было никаких событий, которые сами по себе заслуживали бы общественного внимания. Все сколько-нибудь из ряда выходящие факты моего прошлого связаны с революционной борьбой и от нее получают свое значение. Только это обстоятельство и может оправдать появление в свет моей автобиографии.

Но из этого же источника вытекают и затруднения для автора. Факты личной жизни оказались настолько тесно вплетены в ткань исторических событий, что трудно отделить одно от другого. Между тем эта книга все же не исторический труд. События взяты не по их объективной значимости, а в зависимости от того, как они были связаны с фактами личной жизни. Немудрено, если в характеристике отдельных событий и целых этапов нет той пропорциональности, которой должно было бы требовать, если бы книга представляла собою исторический труд. Водораздел между автобиографией

и историей революции приходилось нащупывать эмпирически. Не растворяя жизнеописания в историческом исследовании, необходимо, однако, было дать читателю опору в фактах общественного развития. Я исходил при этом из того, что основные контуры больших событий известны читателю и что его память нуждается только в кратких напоминаниях об исторических фактах и об их последовательности.

К моменту выхода в свет этой книги мне исполнится 50 лет. День моего рождения совпадает с днем Октябрьской революции. Мистики и пифагорейцы могут из этого делать какие угодно выводы. Сам я заметил это курьезное совпадение только через три года после Октябрьского переворота. До 9 лет я жил безвыездно в глухой деревне. Восемь лет учился в средней школе. Арестован был в первый раз через год после окончания ее. Университетами служили для меня, как и для многих моих сверстников, тюрьма, ссылка, эмиграция. В царских тюрьмах я сидел в два приема около четырех лет. В царской ссылке провел первый раз около двух лет, второй раз — несколько недель. Дважды бежал из Сибири. В эмиграции прожил в два приема около 12 лет в разных странах Европы и Америки, два года до революции 1905 г. и почти десять лет после ее разгрома. Во время войны был заочно приговорен к тюремному заключению в гогенцоллернской Германии (1915 г.); был в следующем году выслан из Франции в Испанию, где после короткого заключения в мадридской тюрьме и месячного пребывания под надзором полиции в Кадиксе был выслан в Америку. Там меня застигла Февральская революция. По дороге из Нью-Йорка я был в марте 1917 г. арестован англичанами и содержался месяц в концентрационном лагере в Канаде. Я участвовал в революциях 1905 и 1917 гг., был председателем Петербургского Совета депутатов в 1905 г., затем в 1917 г. Я принимал близкое участие в Октябрьском перевороте и был членом советского пра-

вительства. В качестве народного комиссара по иностранным делам вел мирные переговоры в Брест-Литовске с делегациями Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. В качестве народного комиссара по военным и морским делам я посвятил около пяти лет организации Красной Армии и восстановлению Красного Флота. В течение 1920 г. я соединил с этим руководством расстроенной железнодорожной сетью.

Главное содержание моей жизни — за вычетом годов Гражданской войны составляла, однако, партийная и писательская деятельность. Государственное издательство приступило в 1923 г. к изданию собрания моих сочинений. Оно успело выпустить тринадцать книг, не считая вышедших ранее пяти томов военных работ. Издание было приостановлено в 1927 г., когда гонения против «троцкизма» стали особенно ожесточенными.

В январе 1928 г. я был отправлен нынешним советским правительством в ссылку, провел год на границе Китая, был в феврале 1929 г. выслан в Турцию, пишу эти строки в Константинополе.

Даже в этом конспективном изложении внешнее течение моей жизни никак нельзя назвать монотонным. Наоборот, по числу поворотов, неожиданностей, острых конфликтов, подъемов и спусков можно сказать, что жизнь моя скорее изобилует «приключениями». Между тем позволю себе сказать, что по склонности я не имею ничего общего с искателями приключений. Я скорее педантичен и консервативен в своих привычках. Я люблю и ценю дисциплину и систему. Совсем не ради парадокса, а потому, что так оно и есть, я должен сказать, что не выношу беспорядка и разрушения. Я был всегда очень прилежным и аккуратным школьником. Эти два качества я сохранил и в дальнейшей жизни. В годы Гражданской войны, когда я в своем поезде покрыл расстояние, равное нескольким экваторам, я радовался каждому новому забору из свежих сосновых досок. Ленин, знавший об этом

моем пристрастии, не раз дружески подтрунивал над ним. Хорошо написанная книга, в которой можно найти новые мысли, и хорошее перо, при помощи которого можно сообщить собственные мысли другим, всегда были для меня — остаются и сейчас — самыми ценными и близкими плодами культуры. Стремление учиться никогда не покидало меня, и у меня много раз в жизни бывало такое чувство, что революция мешает мне работать систематически. Тем не менее почти треть столетия моей сознательной жизни целиком заполнена революционной борьбой, и если б мне пришлось начинать сначала, я не задумываясь пошел бы по тому же пути.

Мне приходится писать эти строки в эмиграции, третьей по счету, в то время, как ближайшие мои друзья заполняют места ссылки и тюрьмы Советской республики, в создании которой они принимали решающее участие. Некоторые из них колеблются, отходят, склоняются перед противником. Одни потому, что морально израсходовались; другие потому, что не находят самостоятельно выхода из лабиринта обстоятельств; третьи — под гнетом материальных репрессий. Я два раза уже пережил такие массовые отходы от знамени: после крушения революции 1905 г. и в начале мировой войны. Я достаточно близко знаю, таким образом, из жизненного опыта, что такое исторические приливы и отливы. Они подчинены своей закономерности. Голым нетерпением не ускоришь их смены. Историческую перспективу я привык рассматривать не под углом зрения личной судьбы. Познать закономерность совершающегося и найти в этой закономерности свое место такова первая обязанность революционера. И таково вместе с тем высшее личное удовлетворение, доступное человеку, который не растворяет своих задач в сегодняшнем дне.

*Принкипо, 14 сентября 1929 г.
Л.Троцкий*